

DOI: 10.46698/VNC.2022.83.44.011

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ КЛЯТВО-ВКУШЕНИЕ < КЛЯТВО-ПРИНОШЕНИЕ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Э.Т. Гутиева

Несомненна важность клятвенных процедур и формул, унаследованная и сохраненная осетинской лингвокультурой. В осетинском языке, как и в целом ряде других языков, идея клятвоприношения передается глагольно-именными словосочетаниями. В большинстве современных языков, за исключением форси, именная часть таких сочетаний имеет значение «клятвы», что входит в определенное противоречие с семантикой глагольных компонентов. На наш взгляд, в данных словосочетаниях происходила фоссилизация фонетического облика корней, семантика которых претерпевала значительные изменения. В данной работе предлагается считать семантику именных компонентов результатом метонимических переносов исходных существительных вещественной семантики. С целью восстановления исходной семантики осетинских лексем рассматриваются широкий круг фонетически и семантически приемлемых лексем, учитывается особенность фразеологического регламента, определяющего валентность глагольных единиц, обобщаются результаты анализа микроконтекстов употребления осетинских лексем, анализу подвергается релевантные паремиологические единицы. Расширение зоны поиска этимонов дает основания для проведения ревизии некоторых лексем других языков, увеличивая глубину их ретроспекции и зону распространения, для установления более широкого круга когнатов известных лексем/

Ключевые слова: клятва, этимология, иранские языки, осетинский язык, когнаты, синекдоха, фразеологическая единица

В каждом из известных языков есть арсенал средств, передающих идею клятвоприношения, в то же время во всякой лингвокультуре эти средства являются специфичными, что обусловлено их разно-образием и свое-образием. В осетинском языке данное действие передается словосочетаниями определенной синтаксической модели: глагол и существительное в функции прямого аккузативного дополнения.

Такие глагольно-именные конструкции отмечены и в других языках: в русском языке слово *клятва* может вступать в объектные отношения с глаголами «приносить» и «давать». В английском языке клятву можно «брать» (*take an oath*), «делать» (*make an oath*), можно «давать» (*give a vow*), как и во французском (*faire serment*), где ее еще и «дают взаимы» (*prêter serment*). Соответственно, и «нарушить» клятву мож-

но, «сломав» ее, «разрушив», «разорвав», «испортив».

Семантика приведенных глаголов свидетельствует о вещественности/материальности объекта, участвовавшего в выполнении ритуала и призванного подкреплять нерушимость клятвы, гарантировать ее выполнение. Таким образом, клятвенно-вопринятие было манипуляцией с или над определенным предметом, веществом, которое в каждом конкретном социуме наделялось ценностью, сакральными или мистическими характеристиками.

В двух близкородственных языках северо-восточной подгруппы восточной группы иранских языков, в осетинском и ягнобском, клятву нужно «вкушать»: *ард хæрын* и *qasám xuar-*, либо с ней нужно что-то «делать»: *сомы кæнын* и *qasám yod kÿn-* [1, 279].

Помимо отмеченного структурного изоморфизма, попарное сравнение употребленных в приведенных сочетаниях корней свидетельствует о том, что глаголы принадлежат к общеиранскому слою и являются когнатами: осетинское *кæн-ын* и ягнобское *kÿn-* восходят к протокорню **kr|*kar* [2, 580-581]. В свою очередь, *хæр-ын* и *xuar-* оба являются рефлексам иранского корня **hwar-*. Рефлекс **hwar-* в персидском имеет значение «есть», «пить», кроме того значение доиранской базы **swel-* восстанавливают как

еще более общее – «глотать» [3, 183]. Исходя из семантики протокорня и иранских когнатов глагола, можно допускать, что осетинское **ард* можно было глотать, пить, не только вкушать. Рассмотрение корней *ард-* и *yod-* как когнатов в отсутствии семантических оснований и при минимальных фонетических основаниях непродуктивно.

В терминах различия в ягнобском оба глагола *kÿn* и *xuar* вступают в объектные отношения с одной и той же именной единицей *qasám*. Кроме того, *qasám yod kÿn-* является трехчленом, который формально разлагается на следующие составляющие: «клятва»-«память»-«делать». Однако *qasám* и *yod* не являются однородными дополнениями при глаголе *kÿn*, т.к. не находятся между собой в сочинительной связи по типу последовательного подчинения. Правильнее представить модель следующим образом: семантический распространитель+фразеологизм: *qasám(yod kÿn)*, где *yod kÿn* «помнить», «клясться» [1, 366]. Следовательно, данное сочетание буквально можно перевести либо как «клятву помнить», либо плеонастическим сочетанием – «клятву клясть». Это обстоятельство не снижает вероятности того, что *qasám* имело исходную вещественную семантику.

Параллели подобным глагольно-именным конструкциям отмече-

ны и в других иранских языках: дословный перевод действия клятвop-приношения «серу пить» восходит к древнеиранской традиции, когда для подтверждения верности слову человек, дававший клятву *соганд*, пил серу. Отсутствие проблем, ущерба здоровью после приема серы свидетельствовало о невиновности человека, дававшего клятву [4]. Данный пример интересен тем, что, в отличие от других языков, оба элемента сочетания сохраняют исходную семантику при фразеологизации.

В таджикском языке действие передается разными способами: эту же *савганд* «серу» у них надо «делать», чтобы поклясться: *савганд кардан* «клятву делать», другую клятву *касам* следовало принимать вовнутрь: *касам хурдан* «клятву есть» [5, 247]. Набор используемых корней тот же, что и в ягнобском словосочетании.

И в случае действия с серой, и в случае поедания клятвы можно полагать фразеологизацию прежде свободного словосочетания, которое регистрировало, описывало, констатировало, отражало сущность действия. Вследствие забвения или изменения ритуальной практики произошла утрата словом признака, служившего основой его номинации.

Отсутствие преемственности, расширение репертуара лексических средств, описывающих клятвop-приношение, затрудняют реконструк-

цию первоначальной семантики существительных *сомы*, *ард* и, возможно, глагола *херын*. Решение уравнения с заданным значением и с двумя неизвестными слагаемыми может не увенчаться безусловным результатом, но и ценность поиска решения представляется самоочевидной.

Сомы, *ард*, а также дигорское *уасха*, которое нужно «говорить, произносить», как культовые термины обладают несомненной глубокой древностью [6].

В современном осетинском языке данные лексические единицы лексикографируются следующим образом: *сомы* «клятва» [7, 655] и *ард* «клятва, присяга» [8, 160]. Так, *ард* в Толковом словаре осетинского языка описано как «иузæрдыгдзинад; нæфæсайын кæнæ æндæр ахæм истæй тыххæй фидар дзырдлæвæрд» (1. преданность, принесение обещания не обмануть или по какому-либо сходному поводу); 2. «æлгъыст, азар, фыдæх» (проклятие, немилость) [9, 138].

В семантике *ард* отмечена энантиосемия – «клятва»-«проклятие», которая свойственна эквивалентным единицам в других языках, но не отмечена в семантическом объеме *сомы* [9, 139]. Не выявлено значение с отрицательной коннотацией и в дигорском *уасха* «клятва».

При анализе микроконтекстов употребления данных лексем про-

слеживается следующая закономерность: несмотря на то, что *ард*^{клятва} считается более формальным и более сильным, в случае, когда принесенная клятва нарушается, в осетинском речь идет именно об *ард*. Нарушения *сомы*^{клятвы} носят единственный характер, что может свидетельствовать об изначальной необратимости такой клятвы, напротив, представляется маловероятной интерпретация низкопрецедентности такого явления необязательностью *сомы*^{клятвы} и рутинностью ее несоблюдения. Обращает на себя внимание и тот факт, что если для обозначения принесения клятв следует использовать разные глаголы, то нарушать их можно практически одинаково: *сæттын*, *фæсайын*, *фесафын*, *халын* («ломать», «обмануть», «потерять, утратить», «портить, нарушать» соответственно) [2, 160].

Среди редких примеров несоблюдения клятвы^{сомы} нет случаев употребления глагола *халын* «портить, нарушать» и *фесафын* «потерять, утратить».

О степени синонимичности фразеосочетаний свидетельствует тот факт, что они взаимоистолковываются в словарных дефинициях: *ард хæрын* – «иузæрдыгдзинадыл дзырд дæттын, сомы кæнын» (буквально: «есть клятву^{ард} – давать слово в верности, делать клятву^{сомы}»).

Несмотря на высокую степень семантической близости, в рассматриваемых сочетаниях эти существительные не взаимозаменяемы, скажем, как в русском языке, где «принимать», можно и *клятву*, и *присягу*, «приносить» можно еще и *обещание*, а «давать» можно еще и *обет*, и *слово*. Узус регулирует сочетаемость, и ни при каких обстоятельствах в осетинском языке нельзя сказать **сомы хæрын*, равно как недопустим, даже в качестве окказионализма, вариант **ард кæнын*.

Следует учитывать характеристики и глагольных элементов фразеосочетаний.

Особенно нетипична избирательность для осетинского глагола со значением *кæнын* «делать», широкосемантической и многофункциональной единицы, по степени употребительности и активности уступающей лишь глаголу *уæвын* «быть». *Кæнын*, как и всякое широкозначное слово, вне контекста однозначно обладает практически неограниченной сочетаемостью, способно вступать в парадигматические отношения со всеми именными частями речи, также с неличными глагольными формами в качестве средства выражения грамматического значения при образовании сложных глаголов. Глагол подробно описан в ряде работ по грамматике осетинского языка [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. По сравнению с экви-

валентными эврисемантами других языков *канын* превосходит русский глагол *делать* и сопоставим с суммарным потенциалом английских глаголов *to do* и *to make*, т.к. может использоваться и как полнозначный глагол, и как вспомогательный для выражения каузативности.

Открытый характер валентности, продуктивность в образовании новых слов, активность во взаимодействии с неологизмами, коллокации с заимствованиями этого парадигматического эврифага облегчает ассимиляцию аллохтонных единиц в осетинском языке. Глагол часто встречается в составе фразеологических единиц. Однако в устойчивых словосочетаниях свой императив, жесткий регламент, как, например, в английском языке, где больше средств выражения действия клятвopиношения за счет большего числа номинативных (*oath, vow, word, promise*), глагольных единиц (*to make, to take, to give*), а также ввиду превосходства в количестве их сочетаний за счет взаимозаменяемости компонентов, но это также регламентируется узусом.

Норма, возможно, сформировалась, когда именные компоненты *сомы*¹, *ард*¹ еще сохраняли семантическую прозрачность, и этот этап их развития зафиксирован семантикой глаголов *канын* и *хаерын*. И *сомы*¹ можно было делать, готовить

(?), но нельзя было потреблять, есть, принимать вовнутрь, либо эти действия были менее приоритетными. В свою очередь, вектор из второго сочетания позволяет прийти к противоположным выводам: исходная семантика **ард* не предполагала, что его можно делать. Этому могут быть разные объяснения: **ард*- принципиально не производимо, дано в ощущениях, произведено высшими силами и т.д. Либо прием **ард*¹ вовнутрь был важнее в семантике обряда, чем его приготовление.

На наш взгляд, в данных словосочетаниях происходила фоссилизация фонетического облика корней, семантика которых значительно эволюционировала. Например, у корня **ард*- его первоначальное, «съедобное» значение подверглось эрозии, и в результате данное свободное сочетание **есть ард*¹ стало фразеологизмом **есть клятву*. При воспроизведении в составе фразеологизма **ард*¹+**хаер-ын*^{вкушать} «давать клятву, клясться» происходили потеря внутренней формы и метонимический перенос с целого на часть. Подобный алгоритм развития можно полагать и в семантике **сомы*. Таким образом, **ард*^{клятва}, **сомы*^{клятва} могут считаться результатом синекдохи, а значения этимонов утраченными вследствие абсолютной семантической архаизации исходных значений. В настоящее время они реализуют значение

«клятва», как в свободных словоупотреблениях, так и во всех деривационных моделях.

В пользу подобной презумпции и синтаксическая жесткость данных конструкций, узואальным является употребление данных словосочетаний с дополнением в препозиции. Обычно место дополнения в осетинском языке не является стилистически маркированным, и его инверсия может выполнять минимальную тема-рематическую нагрузку. Однако постпозиция дополнения для рассматриваемых сочетаний нетипична, и, как следствие, ведет к изменению их эмоционально-стилистической окраски, и при таком порядке следования членов – *хæрын ард*, *кæнын сомы* – словосочетания приобретают более торжественный характер, встречаются в поэтических текстах.

Подобные двухкомпонентные единицы, по мнению А.Ф. Кудзоевой, не следует считать фразеологизмами на том основании, что, во-первых, они являются не стилистическими синонимами других глаголов, а единственной формой выражения данного значения, и, во-вторых, семантика подавляющего большинства сложных глаголов прямо связана с лексическим значением именной части [16].

Однако, ни единственность, ни количество форм выражения по-

нятия не представляются нам надежным критерием выделения фразеологизма, как и факт утраты альтернативных единиц не может считаться основанием для перехода фразеосочетания в разряд не фразеологической лексики. Кроме того, потеря или сохранение именной частью своего лексического значения релевантны только при выведении итогового значения словосочетания, которое в равной степени детерминруется семантикой глагольного компонента.

Сравнение осетинского слова *сомы-* и экспонента *-sám-* в составе *qa-sám*, ставит вопрос о вычленении корневых морфем в структуре ягнобского слова.

Не исключено, что *qasám*, которое дефинируется как «клятва» [1], является префиксальным образованием или результатом морфологического опрощения, и, в таком случае, *-sám-* является корневой морфемой или одной из двух корневых морфем, возможно, связанная общностью происхождения с *сомы-* > **som-|*sam-*.

Однако подобная констатация, как и эквивалентность «невещественной» семантики осетинского и ягнобского слов на современном этапе, не проливают света на значение восстанавливаемого таким образом этимона.

В.И. Абаев рассматривает данный корень в ряду других индо-и-

ранских слов сходной семантики, подвергая его сравнению с персидским *sāta* «клятва», «присяга», «договор», возводя их к древнеиндийским *śam-* «ритуал» и *śamśa-* «торжественное слово», благословение, проклятие [3, 133-134]. Однако если полагать, что значение «клятва» – это результат вторичной номинации именного компонента фразеологизма, то искать этимоны следует и среди слов с вещественным значением. В таком случае круг поисков расширяется за счет привлечения данных фольклора, учета исторических свидетельств описания процедур клятвоприношения.

Во многих нартовских сюжетах клятвоприношение связано с пиром, чашей, со специально приготовленным напитком и с его ритуальным выпиванием. В первую очередь следует проверить возможную связь осетинского корня **сомы-* с названием божественного растения в до-зороастрийской индоиранской религии, в ведах, в зороастризме, в более поздней персидской культуре и мифологии. Авестийская *хаома* санскритской *сома* являются рефлексамии протоиндоиранского корня **sauma-*. Не исключено, что название ритуального божественного напитка, который готовили, выжимали из хаомы, потребляли, было впоследствии переосмыслено, подверглось семантической генерализации.

У скифов и сарматов (*Sakā haumavargā*), которым хаома также была известна, при исполнении погребальных обрядов, обрядов по обратимства, заключении клятвенных договоров, поклонении богам, гаданиях использовались сосуды [17]. Жидкости в сосудах по мере изменения обрядовой семантики могли трансформироваться.

В Этимологическом словаре современного немецкого языка в словарной статье прилагательного *sāmig* «густой, липкий» среди возможных когнатов со значением «жидкость», «текучий», «обильный» обращает на себя внимание древневерхне-немецкий корень *seim* «Nektar. Hönig» («нектар, мед») [18, 413].

Не установлено, сводится ли *seim* к гастрономическому значению, но если он приобретает и мифологическое значение как греческое *véктар* «нектар, напиток богов», то можно допускать, что слово обязано своему существованию не сохранившимся религиозным практикам и сопоставимо с осетинским *сомы-*.

Интересным образом корень *qasát* из западно-иранских языков и ягнобского дает повод для ревизии некоторых лексем других языков, увеличивая глубину их ретроспекции и зону распространения, для установления более широкого круга когнатов известных лексем. Например, название кваса, одного из древ-

нейших русских напитков, известно с XI века, известно и то, что его фонетический облик консервативнее рецепта его изготовления. Вопрос о том, сколько стадий изменения претерпел напиток, его консистенция и уровень крепости до момента фиксации и описания, требует отдельных неспекулятивных рассуждений. В контексте данного исследования важно, что оно могло быть известно славянским народам и с дохристианского периода, что его значение в языческих обрядах могло утрачиваться по мере их вытеснения и установления новых канонов. В словарной статье М. Фасмера общеславянский корень **kvasъ* возводится к древнеиндийскому *kváthati* «кипятить, варить». В славянских когнатах обращают на себя внимание значение польского *kwas* «кислота» и интересный семантический перенос в лужицких языках – *kwas* «закваска; свадебный пир» [19]. Подобный метонимический сдвиг, важный в контексте данного рассуждения, отмечен и в старословацком *kvas* «пир, угощение, гуляние» [20, 488–489].

Корень представлен и за пределами славянской группы, но в других значениях. Широко известно английское *cheese* «сыр» от латинского названия *cāseus*, а также менее известные рефлексy корня в албанском со значением «козьe молоко», «отвар».

Рассмотренный в данном этимологическом гнезде готский рефлекс *hvarþō* «пена» представляется более близким славянским когнатам, чем греческому и албанским, и может помочь при ретроспекции слов со значением «клятва» в германских и кельтских языках. Они традиционно рассматриваются в деривационном гнезде общегерманского корня **aithaz* «клятва» [21, 15], рефлекс которого есть во всех древних и современных языках германской группы, среди которых в частности английское *oath*, готское *aips*. За пределами германской группы корень отмечен в древнекельтском *oeth* и возводится к общеиндоевропейскому корню **oi-to-* с тем же значением «клятва», однако данная версия в ряде этимологических словарей признается неудовлетворительной, высказывается гипотеза о неиндоевропейском характере корня, с неясным вектором заимствования внутри кельтско-германского ареала [22]. Возможно, в отношении данного корня, как и в случае с осетинскими лексемами, следует преодолеть инерцию поиска в группе слов, связанных с клятвой и учитывать их возможную вещественность и связь с ритуальной лексикой. Если ритуальный напиток может рассматриваться как средство номинации клятвоприношения, то общегерманскую клятву следует ретроспектировать до протоиндоевро-

пейского **kwat*- «бродить, скисать», как и славянский **квас*, а приведенный рефлекс в готском *hvarþō* «пена» можно считать протоединицей общегерманской клятвы. Собственно, готское *aīþs*^{клятвы} может быть результатом афезы и метонимических переносов *hvarþō*^{пена}.

Нельзя исключать, что названия приведенных выше напитков, пиров, клятв являются когнатами, результатом различных процессов, непротиворечивых с позиций и фонетического, и семантического развития.

Применяя данный алгоритм к *ард хæрын* и отталкиваясь от семантики глагольного компонента, полагаем, что **ард* должно было номинировать нечто: а) съедобное, б) малосъедобное, в) не употребляемое в пищу, но которое можно символически принять вовнутрь. Если **ард* кушали, это могло быть частью обрядового действия, возможно, поедание жертвенного животного.

Хæрын «кушать», «обещать» доиранской базы **swel*- восстанавливают как еще более общее – «глотать». В иранских языках отмечен омонимичный глагол со значением вербального действия «обещать», «клясться». Однако это также можно рассматривать как случай метонимического переноса, подобно германскому корню *swear*>*swallow*. Разница в том, что в германских данный процесс стал источником появ-

ления этимологических дублетов, а в иранских за счет расщепления полисемичного слова рефлекса иранской базы **khvara*- произошло появление омонимичной пары. Либо, если это не исторические омонимы, осетинское *хæрын* из сочетания *ард хæрын* следует рассматривать как сохранение иранского корня, вытесненного высокопрецедентным омонимом со значением «кушать, есть».

В отличие от *сомы*, которое рассматривалось только в контексте клятвопринесения, относительно этимологического развития **ард*-существует несколько гипотез, каждая из которых представляется продуктивной для разработки [2, 60-62]. Наиболее исчерпывающий список возможных этимонов *ард* – огонь, слово, божество, клятва, земля, кара / наказание, *æрду* – волос, оружие (*ара* колющее, *æрдын* – лук), кровь (*эрит*-роцитосодержащая) – выпить кровь с вином и кровопускание как способ избавления от необходимости исполнения клятвы.

Десемантизация **ард* и растворение его семантики в словосочетании с последующим метонимическим переносом на него значения целого могли иметь место на очень ранней стадии развития языков. Так, среди когнатов осетинского *ард*, кроме армянской клятвы *erdumn* [2, 61], возможно, и эпическо-ионийская форма *ара* «клятва», зафиксированная

в древнегреческо-русском словаре [23; 227].

В контексте клятвоприношения выше упоминались чаши, сосуды как важная часть обряда. В нартовских сказаниях важное место занимает чаша нартов *Уац-амонга*. Менее известным является другой вариант названия *Æрдамонга*. Если считать наличие альтернативной формы калькированием, то можно через значение *Æрдамонга* «клятвы чаша», интерпретировать и *Уац-амонга*, усматривая здесь связь с дигорским *уасха*. А в связи с экспонентом – *сомы*- встает вопрос и о выделении морфем в *Уа-ц-ам-онга*.

Обзор того, чем священным и дорогим клялись в ходе исторического развития разные народы, свидетельствует о неопредельном характере списка. Тем не менее, есть наиболее архетипические модели клятвы, которые можно «примерить» к осетинским формулам.

Клятвоприношения – результат процессов, протекающих под влиянием социальных, философских, религиозных, политических факторов: чтобы клясться богами – в них надо верить, если клясться золотом – его надо фетишизировать, землю надо любить, перед родителями благоговеть, это некто или нечто, что следовало абсолютизировать, обожествлять. Тем не менее есть наиболее архетипические модели клятвы, ко-

торые можно «примерить» к осетинским формулам.

В паремиологическом фонде осетинского языка фиксируется свыше 110 единиц, связанных с клятвоприношением [24]. Этот факт с одной стороны свидетельствует о важности данного действия, с другой стороны большое количество, в том числе и взаимопротиворечивых, паремий снижает репрезентативность паремиологического материала. Данный материал не может дать определенный ответ на семантику этимонов **сомы*- и **ард*-, но свидетельствует о том, что было объектом клятвы у осетин в недавнем прошлом.

В данном списке *ард* употребляется 43 раза (в качестве отдельного слова 32 раза): *иугæр ард бахордтай, уæд æй адзалмæ хæсс* («если уж дал слово, то держи до последнего»). *Сомы* употребляется 21 раз.

Есть примеры двукратного употребления в составе одной паремии: *сомытæ каны, æрдтæ хæры* («обещания делает, клятвами клянется»).

Для понимания аксиологии в рамках данного контекста можно ограничиться перечислением трех наиболее частотных объектов клятвоприношения: *дзырд* «слово» (29 раз), *Хуыцау* «Бог» (19 раз): *Хуыцауæй ард бахордта, зæххæй сомы бакодта* («божбу принес, землей поклялся»); *зæхх / сьдджыт* «земля», «почва» (8 и 3 раза соответ-

ственно). Клясться можно тремя синонимами земли – *мæр, сьджыт, зæхх* (*Сьджытæй ард хæрæн нæй – йæхæдаг ард у.* – Не клянись землей, она сама клятва). Из того, что придает клятве убедительность, гарантию, нерушимость, можно упомянуть еще клятвы огнем (*Нарт зынгæй райгуырдысты 'мæ зынгæй ард хордтой* «нарты от огня родились, и огнем клянутся»); хлебом (*Кæрдзынæй ард ма хæр, йæхæдаг ард у.* – Не клянись хлебом, он сам клятва); морем (*Ард денджызæй фод!* – Пусть клятва будет морем!);

усами представителя старшего поколения рода (*Мæ фыды рихийæ дын сомы кæнын.* – Клянусь усамы своего отца).

Универсальность большинства практик позволяет найти параллели для многих рассматриваемых версий. С другой стороны, всегда возможно допускать волюнтаризм специфического, избирательность этнографической памяти, непредсказуемые комбинации различных факторов и обусловленную этим единичность клятвоприношения в отдельно взятой лингвокультуре.

1. Андреев М.С., Пещерева Е.И. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря / Под ред. М.С. Андреева, В.А. Лившица и А.К. Писарчик. М.-Л.: АН СССР, 1957. 371 с.

2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: АН СССР, 1958. Т. I. 655 с.

3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1979. Т. III. 358 с.

4. Мостафави Г.Х. Социологические подходы к рассмотрению речевого акта клятвы в русской и персидской лингвокультурах // Символ науки. 2017. №12. С. 79-83.

5. Русско-таджикский словарь / Под ред. Е.Э. Бертельс, А.П. Дехоти, Н.Н. Ершова. Сталинабад: Гл. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. 880 с.

6. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 441 с.

7. Ирон-уырыссаг дзырдурат / Сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. Т. 3. 720 с. (на осет. яз.)

8. Ирон-уырыссаг дзырдугат / Сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. Т. 1. 678 с. (на осет. яз.)
9. Ирон æвзаджы æмбарынгæнгæнан дзырдугат / Ред. Гæбæраты Н. М.: Наука, 2007. 508 с. (на осет. яз.)
10. *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959. 168 с.
11. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965. 488 с.
12. *Цаболов Р.Л.* Составные глаголы в осетинском языке // Известия СОНИИ. 1964. Т. 24. Вып. 1. С. 113-121.
13. *Гращенко П.В.* Сложные предикаты в осетинском языке // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8-10 октября 2008 г.). М., 2010. С. 115-130.
14. Грамматика осетинского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / Под ред. проф. Г.С. Ахвледиани. Орджоникидзе, 1963. 368 с.
15. *Выдрин А.П.* Глагол в осетинском языке // Востоковедение. Историко-филологические исследования: Межвузовский сб. статей памяти акад. М.Н. Боголюбова. СПб., 2014. Вып. 30. С. 25-81.
16. *Кудзоева А.Ф.* Сложные глаголы в осетинском и персидском языках. // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 41(80). С.67–80.
17. *Дзиговский А.Н., Островерхов А.С.* «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2010. №3. С. 145-174.
18. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры / Под ред. М.М. Маковского. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.
19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2: Е-Муж. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
20. *Валенцова М.М.* Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. Т. 2. 697 с.
21. Kroonen, G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 11). Leiden, Boston: Brill. 2013. 750 p.
22. Online Etymology dictionary [электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/>

23. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.

24. *Гуытџауты Хџ*. Ирон æмбисæндтæ. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 ф. (на осет. яз.)

Gutieva, Elmira T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); gutieva@list.ru

SEMANTIC CHANGE OATH-EATING<OATH-TAKING IN THE OSSETIAN LANGUAGE.

Keywords: *oath, etymology, Iranian languages, the Ossetian language, cognates, synecdoche, phraseological unit.*

The importance of oath procedures and formulas, inherited and preserved by the Ossetian linguistic culture, is undeniable. In the Ossetian language, as in a number of other languages, the idea of taking an oath is conveyed by verb-nominal phrases. In most modern languages, with the exception of Farsi, the nominal part of such combinations has the meaning “oath”, which is in a certain contradiction with the semantics of verbal components. In our opinion, in these phrases there was a fossilization of the phonetic appearance of the roots, the semantics of which underwent significant changes. In this paper, it is proposed to consider the semantics of nominal components as the result of metonymic transfers of the original nouns of real semantics. In order to restore the original semantics of Ossetian lexemes, a wide range of phonetically and semantically acceptable lexemes is considered, the peculiarity of the phraseological regulation that determines the valence of verbal units is taken into account, the results of the analysis of microcontexts of the use of Ossetian lexemes are summarized, relevant paremiological units are analyzed. The expansion of the search area for etymons gives grounds for the revision of some lexemes of other languages, increasing the depth of their retrospection and the area of their functioning, in order to establish a wider range of cognates of known lexemes.

References

1. Andreev, M.S., Peshchereva, E.I. *Yagnobskie teksty s prilozheniem yagnobsko-russkogo slovarya* [Yagnob texts with the application of the Yagnob-Russian dictionary. Eds M.S. Andreev, V.A. Livshits, A.K. Pisarchik]. Moscow-Leningrad, USSR Academy of sciences, 1957. 371 p.

2. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, USSR Academy of sciences, 1973, vol. I. 655 p.

3. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, USSR Academy of sciences, 1979. 358 p.
4. Mostafavi, G.Kh. *Sotsiologicheskie podkhody k rassmotreniyu rechevogo akta klyatva v russkoi i persidskoi lingvokul'turakh* [Sociological approaches to the consideration of the speech act oath in Russian and Persian linguistic cultures]. *Simvol nauki* [Symbol of science]. 2017, no. 12, pp. 79-83.
5. Bertels, E.E., Dekhoti, A.P., Ershov, N.N. (eds). *Russko-tadzhikskii slovar'* [Russian-Tajik dictionary]. Stalinabad, Glavnoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1949, 880 p.
6. Khadikova, A.Kh. *Etnicheskiye obrazy i traditsionnyye modeli povedeniya osetin* [Ethnic images and traditional patterns of behavior of the Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2015. 441 p.
7. Guriev, T.A., Gutieva, E.T. (comps). *Iron-uyryssag dzyrduat* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2018, vol. 3. 720 p. (in Ossetian)
8. Guriev, T.A., Gutieva, E.T. (comps). *Iron-uyryssag dzyrduat* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2016, vol. 1. 678 p. (in Ossetian)
9. Gæbæraty, N. (ed.). *Iron ævzajy æmbaryngængæncæn dzyrduat* [Concise Dictionary of the Ossetian language]. Moscow, Nauka, 2007. 508 p.
10. Abaev, V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammar sketch of the Ossetian language]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1959. 168 p.
11. Bagaev, N.K. *Sovremennyyi osetinskii yazyk. Chast 1 (fonetika i morfologiya)* [Modern Ossetian language. Part 1 (phonetics and morphology)]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1965. 488 p.
12. Tsabolov, R.L. *Sostavnye glagoly v osetinskom yazyke* [Ossetian compound verbs]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1964, vol. 24, iss. 1, pp. 113-121.
13. Grashchenkov, P.V. *Slozhnye predikaty v osetinskom yazyke* [Complex predicates in the Ossetian language]. *Byulleten Obshchestva vostokovedov RAN. Vyp. 17: Trudy mezhhinstitutskoi nauchnoi konferentsii "Vostokovednye chteniya 2008": Moskva, 8-10 oktyabrya 2008g.* [Bulletin of the Society of Orientalists of the Russian Academy of Sciences. Issue 17: Proceedings of the inter-institutional scientific conference «Oriental Readings 2008»: Moscow, October 8-10, 2008]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2010, pp. 115-130.

14. Akhvlediani G.S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka*. V 2-kh t. [Grammar of the Ossetian language. In 2 vols]. T. 1. Fonetika i morfologiya [Vol. 1. Phonetics and Morphology]. Ordzhonikidze, North Ossetian Research Institute, 1963. 368 p.

15. Vydrin, A.P. *Glagol v osetinskom yazyke* [Ossetian verb]. *Vostokovedenie. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Mezhvuzovskii sbornik statei pamyati akad. M.N. Bogolyubova* [Oriental studies. Historical and philological research. Interuniversity collection of articles in memory of Acad. M.N. Bogolyubov]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2014, iss. 30, pp. 25-81

16. Kudzoeva, A.F. *Slozhnye glagoly v osetinskom i persidskom yazykakh* [Compound verbs in the Ossetian and Persian languages]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021. iss. 41(80), pp. 67 – 80.

17. Dzigovsky, A.N., Ostroverkhov, A.S. “*Strannye komplekсы*”: o semantike predmetov i pamyatnikov v tselom [“Strange complexes”: about the semantics of objects and monuments in general]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology]. 2010, iss. 3, pp. 145-174.

18. Makovsky, M.M. (ed.). *Etimologicheskii slovar' sovremennogo nemetskogo yazyka. Slovo v zerkale chelovecheskoi kul'tury* [Etymological dictionary of modern German. The word in the mirror of human culture]. Moscow, Azbukovnik, 2004. 630 p.

19. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. M.: Progress, 1986, vol. 2: E-Man. 672 p.

20. Valentsova, M.M., N.I. Tolstoi (eds.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS, 1999, vol. II. 697 p.

21. Kroonen, G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic* (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, vol. 11). Leiden, Boston, Brill. 2013. 750 p.

22. Online Etymology dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com/>

23. Dvoretzky, I.Kh. (comp.). *Drevnegrechesko-russkij slovar'* [Ancient Greek-Russian dictionary] Moscow, Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1958. 1043 p.

24. Guytyaty, H. *Iron æmbisændtæ* [Ossetian saings and proverbs]. Ordzhonikidze, Ir, 1976. 352 p. (in Ossetian)

НАШИ АВТОРЫ

Айларова Светлана Ахсарбековна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ, Россия); aylarova54@mail.ru

Багаев Алан Батырбекович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ, Россия); alon.baga@mail.ru

Гутиева Эльмира Тамерлановна – научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ, Россия); gutieva@list.ru

Дзалаева Камила Руслановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ, Россия); abisaltik@mail.ru

Лаврова Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Кабардино-Балкарский университет им. Х.М. Бербекова (Нальчик, Россия); lawrowa.natali2012@yandex.ru

Мирзоева Светлана Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Кабардино-Балкарский университет им. Х.М. Бербекова (Нальчик, Россия); mirzoevasveta@mail.ru

Сатцаев Эльбрус Батрбекович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН (Владикавказ, Россия); satiael@mail.ru

Татаров Азамат Амурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Кабардино-Балкарский университет им. Х.М. Бербекова (Нальчик, Россия); traveller9090@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований КБНИЦ РАН (Нальчик, Россия); lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Хадашева Сабир Аюбовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, Северо-Осетинский университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия); hadasheva83@mail.ru

Хетагурова Кристина Инарбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры осетинской литературы, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия); kristina.ki-ka@yandex.ru

Цаллагова Искра Нартовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН (Владикавказ, Россия); czallagon@mail.ru

Царикаева Фатима Ахсарбековна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой осетинского языка факультета осетинской филологии, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия); fcarikaeva@mail.ru

Чибиров Людвиг Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, зав. отделом этнологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН (Владикавказ, Россия); L.chibirov@mail.ru